экз пол
пров 25.05.15

Декабрь. МОСКВА—1920 г. Цена 10 руб.

1-й экз.

№ 8-й.

„ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“

№ 8-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Ответственный редактор **А. А. Карелин**

Москва, 1-й Дом Советов, комната 219.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ: Положительные стороны русской революции и ее опора — *Аринов*. Стихотворение—*А. Струве*. М. А. Бакунин о кооперации—*В. Худолей*. Стихотворение—*И. Лапин*. Ответ Э. Малатесты на статью Л. Бертони о синдикализме. Ответ Э. Малатесты Гильому—*Э. Малатесты*. Стихотворение—*Р. Эрманд*. Неужели не совестно?—*А. А. Карелин*. Стихотворение—*О. Приморская* о равенстве. Христос и анархизм—*В. Алмазов*. Примечание Редакции. Любопытные мысли. Два понимания истории—*Бортновский*. Из воспоминаний старого революционера—*А. Карелина*.

Положительные стороны русской революции и ее опора.

Мы затрогавали на страницах нашего журнала этот вопрос, но не боимся еще раз напомнить, что наш взгляд на революцию резко отличается от той мерки, которую прикладывают к ней, так называемые, социалистические партии, а тем более буржуазная критика того экономического и политического сдвига, который произошел на наших глазах и при непосредственном нашем участии. Мы считаем громадной ошибкой демагогические выкрики о том, что русская революция ничего не дала народным массам, что она пошла на пользу небольшой кучке людей, что она остановилась в своем развитии, что началась эпоха реакции.

Конечно, нет никого, кто бы так болезненно ощущал господствующее ныне неуважение к человеческой личности, к настоящим свободам, (о которых мечтали и те из нас, кто видел лицемерные „свободы“ буржуазного мира), как ощущаем его мы—анархисты. Но это отнюдь не заставляет нас закрывать глаза на завоевания революции, на то, что ход назад в настоящее время не мыслим, на то, что движение вперед в эволюционной или революционной форме но неизбежно.

Если бы десять лет тому назад или во время движения 1905 г., кто-либо убедил нас, что в итоге русской революции земля будет взята крестьянством, что исчезнет класс помещиков и потеряет почву под ногами деревенская свора кулаков ростовщиков, что промышленные и торговые предприятия будут отняты у их собственников, что денежные капиталы будут конфискованы, что все те господа, которые издевались над нами и над трудовым народом, в панике убегут из России или будут жить в ней, скрывая свою ненависть к социализму, если бы нас уверили, что Романовы перестанут давить нас своим диким и жестоким деспотизмом, своим полным игнорированием народных требований

—мы с восторгом бы приветствовали такую программу революции
считали бы эту революцию величайшим из исторических событий, при
няли бы ее, как исторический этап и поняли бы ее громадное соци
альное значение.

Илья Муромец слез со своей печи, на которой сидием сидел
триста слишком лет. Не мало крепких застав придется преоделеть ему,
но, ведь, не даром он—богатырь, не даром он копил силы в течени
нескольких веков, не даром силен в нем „гнев затаенный“, веками
накопленный гнев“.

Москва не в один день строилась и рано еще оплакивать рус
скую революцию.

Укажем еще раз на то, что взято ею и в двух словах остано
вимся на выяснении того, чем держится, чем крепка русская рево
люция.

Важнейшее, что произошло в России, это—устранение с обще
ственной арены двух могущественнейших классов—крупных и средних
землевладельцев, с одной стороны, и капиталистов разных наименова
ний—с другой.

У первых — завзятых реакционеров—земля, усадьбы, обстановка
усадеб, живой и мертвый инвентарь отобраны крестьянами, а в неболь-
шом количестве и государством, устроившим свои крупные сельские
хозяйства. Исчез с лица русской земли тот общественный класс, кото-
рый в течение многих столетий угнетал, мучил и разорял наше крестьян-
ство. Все эти господа, поразительно невежественные в своей массе,
глубоко презирали кормящих их мужиков, всячески измывались над
ними, держали в рабстве в течение двух с половиной столетий, заста-
вляя принудительно работать и оправдывая свое рабовладение госу-
дарственными соображениями. Этот класс дармоедов, выделявший из
своих рядов множество чиновников, не дооценивал той мощи, которая
таилась в десятках миллионов, как бы дразнил эту страшную массу,
накоплявшую потенциальную революционную энергию.

Что касается до класса капиталистов, то стремление уничтожить
этот класс приняло сложный характер. Прежде всего, рабочие отказа-
лись быть прежними наемниками и побудили государство об‘явить го-
сударственной собственностью промышленные предприятия. Не только
фабрики и заводы, но и большие, сдаваемые под квартиры дома, ма-
газины, даже небольшие лавки, а тем более склады товаров, перешли
в собственность государства, в распоряжение его чиновников, при чем
некоторое участие в заведывании этим имуществом приняли бывшие
рабочие, жильцы и приказчики.

Были закрыты все банки и конфискованы крупные вклады. О
торговле деньгами нельзя было и думать. Обесценились чуть ли не до
нуля акции, облигации и государственная рента.

Внешняя торговля по закону стала монополией государства, а
торговля внутренняя или была стеснена до крайности или просто
уничтожена рядом преследований, обрушившихся на торговцев. Частная
торговля постоянно отождествлялась со спекуляцией и, как таковая,
жестоко преследовалась, при чем купцы и мелкие торговцы подверга-
лись, не говоря о закрытии торговых помещений и конфискации то-
варов, тяжелым уголовным наказанием, по большей части без суда, и

министративном (чрезвычайном) порядке. Таким образом нет более в России патентованных кровопийц фабрикантов, коммерсантов и их степенств—купцов.

Право наследования было уничтожено в Советской России.

Но этим не ограничились радикальные, повидимому, приемы уничтожения капиталистов. Этот класс был добит невероятным, систематическим обесценением денег, выпущенных в обращение в громадном количестве. Капиталист, скопивший в деньгах миллионное богатство, обратился через два-три года в человека, плохо обеспеченного, располагающего таким количеством денег, покупательная способность которого равнялось нескольким сотням рублей старого времени.

Рухнул целыми веками державшийся строй капиталистической эксплоатации, распался на груду жалких обломков. Громадный сдвиг произошел в психике населения. Не только пропало какое бы то ни было уважение к богатым, ученым и властным лицам старого дореволюционного мира, но не заметно и тени уважения к ученым революционерам, к революционерам, одевающимся в хорошие одежды, живущим в роскошных квартирах и хорошо питающимся. Нет и тени уважения к миллионной бюрократической рати, появившейся в новой России.

Сильно пошатнулась крепкая когда-то вера в церковь и еще более расшаталась никогда не бывшая крепкой вера в благодеяния государства. Государство испокон веков кормило народные массы всевозможными обещаниями и всегда голодали в нем миллионы рабочего люда, напрасно ожидая, что барин их устроит и рассудит.

Громадна та разрушительная деятельность, которую развила русская революция. Ее созидательная работа — вся в будущем. Мы вовсе не думаем закрывать глаза на мрачные недочеты современной общественной жизни, но не считаем нужным кричать о них просто потому, что они очевидны для всякого не оградившего себя от живой жизни китайской стеной бюрократических бумажек. Все эти недочеты вызываются невероятно сложными разнообразными причинами, которых нельзя даже перечислить в короткой статье. И во всяком случае данный общественный строй исторически существует и поэтому является переходным общественным строем, так как ничто не застывает в человеческом обществе гранитными глыбами.

Тем не менее заметим, что как ни сильно, как ни глубоко недовольство условиями современной жизни у многолюдных слоев населения, как враждебно ни реагируют колоссальные по численности группы населения на темные стороны современного строя, тем не менее у русской революции имеется монументальная основа, которая не позволит ее врагам повернуть вспять колесо истории.

Дело в том, что крестьянство, несмотря на все повинности и невероятно тяжелые налоги, стало жить значительно лучше, чем жило до революции, когда голодное и полуголодное существование было уделом десятков миллионов крестьян, чуть ли не [illegible] седьмых общего их числа. Та крестьянская масса, которая захватила помещичьи земли и помещичьи имущества, заметно разбогатела. Крестьяне тех местностей, где не было помещичьих имений, жили, главным образом около казенных и удельных лесов, и воспользовавшись революционным

под'емом 1918 года, с'умели прекрасно обстроиться. Обе эти группы крестьянского населения получили полную возможность не платить своих громадных долгов сельским ростовщикам и ростовщикам-помещикам. Крестьянство перестало биться в сетях без'исходной долговой кабалы, что, в свою очередь, отразилось на его благосостоянии. Как никак, но крестьяне перестали выбрасывать на рынок свои продукты в том количестве, в котором они вынуждены были отчуждать их при старом режиме. Значительная часть хлебных продуктов—молоко, масло, яйца и пр. остались в распоряжении крестьянства и потребляются ими на местах. Они же потребляют теперь грибы, ягоды, орехи и пр. и пр., чем заваливали ранее городские рынки, что тащили в помещичьи усадьбы.

И не в этом только дело. Голод в городах, явившийся не результатом недостачи хлеба в России, а результатом других причин, повлек за собою, в связи с запрещением торговли, непосредственную покупку с'естных припасов у крестьян. Крестьяне же в ряде случаев отказывались брать обесцененные деньги, на которые нельзя было купить в городах нужные им предметы, и обменивали с'естные припасы на всевозможные вещи. И вот, невероятное количество платья и всевозможных предметов потребленья перешло от горожан в деревни. Богатая вещами буржуазия так же, как побуждаемое голодом бедное население городских кварталов передали крестьянам в обмен за хлеб, овощи и проч. громадное количество предметов первой необходимости, комфорта и даже роскоши. Крестьяне набрали также горы, правда, обесцененных денег, но так как у них имеется доверие к правительству, они расчитывают, что эти деньги поднимутся в цене.

Все это создало такое настроение в среде крестьянства, которое можно назвать относительным довольством своим положением и свело к нолю все надежды реакционеров на возвращение старых порядков.

Городские рабочие тесно спаяны в России с крестьянством и настроение последних не может не повлиять на первых. С другой стороны, за революцию стоят и городские рабочие, занявшие бесчисленные места чиновников, в которых так нуждается социалистическое государство.

Конечно, только простак может утешаться, проживая в отвратительных условиях, тем, что будущим поколениям будет хорошо житься, но надо уметь всесторонне оценивать данное положение. Как никак, революция собрала под свои знамена достаточное число приверженцев, а суровая действительность закаляет народные массы, заставляет их думать, не обольщаясь разными обещаниями. Из благодушной массы наша жизнь выковывает энергичных людей, инициаторов, которым приходится, впрочем, тратить свою инициативу и энергию на массу пустяшных, созданных бюрократией делишек. Во всяком случае растет новая могучая сила, которой не поплечу будет то детское платьице, в которое не прочь нарядить ее всегда реакционная бюрократия, и мы на живом примере видим, что дух разрушающий есть дух созидающий даже тогда, когда условия для творческой инициативной работы более чем не благоприятны. В этом случае дух разрушающий выковывает орудия для духа созидающего.

Аринов.

Искрометно—боеродный
Мир былой повергнут ниц,
Загорелся гнев народный
Остропламенных зарниц...
Все смешалось, как лавина,
Люди, камни и металл,—
И пятою исполина
Витязь юный наступал.
И ревели грозы—сечи,
И визжали визги пил...
И пожары были свечи,
Вихрь упором был стропил.
И, не зная остановки,
От победы жадно пьян,
Весь в лучах безсменной ковки,
Пробуждался Океан.
И, вскрывая тайну Счастья,
Там, где свет ее погас,
Для свободного причастья
Восставал Иконостас.
Где Рожденье,—там и боли,
Где творенье,—там Мечта...
Холод только на престоле,
Холод только—Высота...
Но в движеньи, но в похмельи
Нам морозов не найти,
Не крылатым страшны мели,
Не для Зорь—запрет Пути...
Все бездонное хотенье,
Всю тоску былых годин,
Жажду, волю приобщенья
В бой бросает Исполин.
Содрагаясь, смерч пожаров
Жрет, и рушит, и разит,—
Юный мир свергает старый
И Вселенной всей грозит...
Где пределы? Где препоны?...
Впереди... в грядущем... там...
Где стихают бой и стоны,—
Светозарно-новый Храм...
Там—Свобода, там—пощада...
Верю: мы придем туда...
Там и отдых и прохлада...
Мир любовного Труда...
Там, в час дивного Зачатья,
Мы от скорби опочим...
Мукам мы пошлем проклятья
И друг друга там в об'ятья
Все, как братья, заключим...

Алекс. Струве.

М. А. Бакунин о кооперации.

В 60-х годах, когда жил и действовал Бакунин—анархист, кооперативное движение достигло уже значительного развития. В Англии—родине потребительной кооперации—уже образовался союз потребительных обществ для оптовых закупок. Во Франции был сделан ряд попыток создания производительных артелей. В Германии уже развивалась кредитная кооперация и пользовалась широкой популярностью идея производительных артелей. Начинали возникать и другие виды кооперации. При таких условиях М. Бакунин не мог обойти молчанием этого нового явления в народной жизни.

Среди известной части социалистов того времени было распространено мнение, что производительные артели, соединяя в одних руках труд и владение орудиями труда, служат средством освобождения труда. Во Франции Бюше учил, что производительные артели должны основываться на средства, пожертвованные сочувствующими и собранные среди участников. Неудачи попыток Бюше привели Луи Блана к убеждению, что без помощи со стороны государства—в форме открытия кредита учредителям производительных артелей, они не могут развиваться и, конкурируя с капиталистическими предприятиями, вытеснять их.

Отец германской кооперации—Шульце Делич, отстаивая принципы Бюше, учил, что средства для производительных артелей должны быть собраны путем самопомощи. Сперва рабочие и ремесленники должны учреждать потребительные общества и ссудо-сберегательные товарищества для накопления средств. Затем, они должны перейти к учреждению товариществ по сбыту и закупке для накопления опыта. И уже после этого перейти к основанию производительных артелей.

Бакунин, имея в виду планы Шульце—Делича, пишет о кооперации: „самопомощь“, ее лозунг в том смысле, что чернорабочему люду рекомендовалось настойчиво не ожидать для себя ни спасения, ни помощи от государства и правительства, а только от своей собственной энергии. Совет был прекрасный, если бы к нему не было присоединено ложное уверение, что при **настоящих условиях общественной организации**,—при существовании **экономической монополии**, заедающей рабочие массы и **политического государства**, охраняющего эти монополии против народного бунта, для чернорабочего люда возможно освобождение... В экономическом отношении, как теперь ясно для всех, система Шульце—Делича клонилась к охранению буржуазного мира против социальной грозы*).

Против Шульце--Делича выступил блестящий Лассаль, попавший „в ученики к маленькому французу“ Луи Блану. „Никто, кроме Лассаля,—говорит Бакунин,—не умел об‘яснить и доказать так убедительно немецким работникам, что при настоящих экономических условиях положение пролетариата не только не может улучшиться, напротив, в силу неотвратимого экономического закона, должно и будет каждый год ухудшаться, несмотря на все кооперативные попытки, могущие принести кратковременную, скоропреходящую пользу разве только самому малому числу работников... До сих пор мы с Лассалем согласны.**)

---

*) М. Бакунин. „Госуд. и Анархия“ 289 стр.

**) Там же 290 стр.

Но дальше начинается расхождение во взглядах между Бакунином и Лассалем. Лассаль отказывается от только—что одобренного Бакуниным принципа самопомощи, надеясь на кредит со стороны государства производительным артелям. Но, не доверяя буржуазному государству, Лассаль первым условием успеха ставит завоевание рабочим классом государственной власти. Бакунин же считает необходимым разрушение государства и, после всеобщей экспроприации, основание производительных артелей. В программе „**Алльянса**" Бакунин определенно говорит о необходимости производительных артелей для организации производства.

Таким образом, Бюше и Шульце—Делич хотят собрать средства на основании производительных артелей кооперативным путем, а Луи Блан и Лассаль—путем государственного кредита, Бакунин же—путем экспроприации буржуазии.

Бакунин признает кооперацию только после социальной революции, но не до нее.—Сперва уничтожение государства и экономической монополии, а затем производительная кооперация. Другие виды кооперации его не интересовали.

В. Худалей.

Вы не ждите от музы моей
Песен жизни счастливой и вольной,
Зародилась она средь людей,
Изнуренных трудом... и в голодной
Рабочей семье созревала она
Среди стонов, страданий и слез...
Оттого ее песня печали полна
Без надежд и без радостных грез.
В песнях музы моей не найдете вы роз,
Женской ласки, чарующих звуков.
В них раскаты глухие услышите грез,
Взрыв гранат, залп орудий и в муках
Умирающих стоны борцов,
Что отдали все лучшие силы
За свободу и счастье детей и отцов,
А себе обрели лишь могилы.
Моя песнь, это—песнь призыв на борьбу
Угнетенных за лучшую долю,
Призыв—цепи порвать, уничтожить нужду
И добыть себе счастье и волю.

И. Лапин.

Ответ Э. Малатесты на статью Л. Бертони о синдикализме.*)

...Мы уверены, что ни один итальянский революционный синдикалист не будет оспаривать основных тезизов Бертони. Но есть один пункт, по которому мы расходимся с ним во взглядах. Для нас синдикат

---

*) См. ст. „Анархизм и синдикализм" Луиджи Бертони в 6 № „Вольной Жизни".

есть прежде всего средство пропаганды, агитации и революционного действия. Поэтому синдикат должен иметь возможно более широкие связи с рабочей массой, чтобы вести действительную экономическую борьбу, должен иметь возможно больше членов, чтобы представлять широкое поле для пропаганды и служить могучим орудием преобразования в день народного восстания. Вот почему он должен быть или казаться нейтральным. Дать синдикатам определенную программу, которая бы шла дальше общих положений классовой борьбы, значило бы поставить на место синдикатов партийные группы анархистов, социалистов или республиканцев.

Правда, погоня за числом приверженцев заставила многие передовые группы изменить своей первоначальной программе для того, чтобы сделать ее приемлемой для несознательных масс. Многие анархисты, из числа создавших Французскую Всеобщую Конфедерацию Труда, **фактически перестали мыслить, как анархисты и революционеры**, после того, как, признав что синдикализм „достаточен для всего", покинули собственно анархическое движение*). С социалистами этого не случилось, так как, принимая участие в профессиональном движении, они оставались в тоже время верными членами своей партии.

Социалисты стремятся к завоеванию парламентов и потому охотятся за избирателями. Мы стремимся распропагандировать массы и поэтому должны искать подходящую среду для этой цели и, если мы признаем такой средой синдикаты, то должны позаботиться о привлечении к участию в них возможно большего количества людей. Только, оставаясь анархистами, не следует смешивать цели со средствами.

Энрико Малатеста.

Ответ Э. Малатесты Гильому.

Джемс Гильом мне пишет: „прочел в **„Воле"** твои замечания по поводу программы Бертони. Согласен с большей частью твоих замечаний, но есть один пункт, по которому мы с тобой расходимся во взглядах. Ты пишешь: „оставаясь анархистами, мы не смешиваем цели со средствами". Для меня синдикат и синдикализм есть одновременно и цель и средство. Благодаря синдикатам (то-есть, благодаря действию армии труда) осуществятся идеалы синдикализма (употребляя это слово в том смысле, в каком оно принято во Франции), то есть, свободное общество трудящихся, сменяющее капиталистический строй".

Нельзя скрывать, что нас разделяет целая пропасть. Гильом соглашается со всем, кроме моего утверждения, что необходимо при всяких обстоятельствах и во всех положениях оставаться прежде всего анархистами. Чтобы остаться анархистами, нужно отказаться от таких способов улучшения своего положения, которые покупаются ценою приспособления к существующему строю.

---

*) У нас встречаются мало осведомленные товарищи анархисты, которые уверяют товарищей, что анархизм и синдикализм—чуть ли не одно и тоже. „Ответ" т. Э. Малатесты относится к ним еще в большей степени, чем к Бертони.

Синдикат есть средство и цель! Но какой синдикат? И христиа-ские синдикаты? И „желтые" синдикаты также? И те синдикаты, ко-торые стремятся к сотрудничеству с хозяевами?

Направления синдикатов определяется влиянием партийных лю-дей—социалистов, анархистов, республиканцев и естественные тенден-ции рабочего движения сводятся к борьбе за мелкие улучшения, или к завоеванию привиллегированного положения для своей профессии и упрочения его путем запрещения другим изучать свое ремесло, а так-же об'явления войны иммигрантам (переселенцам из других стран), ограничения числа учеников, борьбы против применения женского труда, или путем допущения участия в прибылях предприятия, или об'единения в товарищества, в целях приобщения к торговому и капи-талистическому миру,—одним словом, путем стремления занять возмож-но лучшее положение в рамках существующего строя, что вполне есте-ственно до тех пор, пока масса не затронута нашей пропагандой. Под-тверждение наших слов может служить вся история рабочего движения.

Идея преобразования общества вовсе не рождается сама в про-цессе естественного развития рабочего аоижения, а вносится в него извне. Без пропаганды партийных людей, наши рабочне общества нахо-дились бы под покровительством короля и имели бы председателями и руководителями попов и капиталистов. И мы еще видим такие при-меры!

А разве такие общества не суть тоже синдкаты! Я полагаю, что да. Мы кажется возвращаемся к тому чудаку, который имел обыкно-вение говорить: „Народ—всегда прав... ибо воздает мне справедливость". „Ну, а если народ обидит тебя?" „Э, тогда не зови его больше наро-дом. Тогда зови его канальей, сбродом, шайкой рабов и т. п. и таким образом ты сохранишь принцип народной непогрешимости".

Э. Малатеста.

Вечный Смех.

Зачем смеетесь вы, ехидно улыбаясь,
Когда вся ваша жизнь—страданья, нищета;
Когда покорны вы и, рабски пресмыкаясь,
Живете вечно все под визгами кнута.
Всегда я вижу вас голодными, больными...
Но вы довольны всем!
И ваши так сыны
Скитаться в нищете осуждены родными.
Ужель для смеха вы, безумцы, рождены?
Давно чужда для вас вся Красота земная,
Чужда вам и в груди бунтующая кровь.
Вам счастья не понять и никогда больная
Не обвинится жизнь для вас, ни радость, ни любовь.
Та будет жизнь для тех, кого душа пылает
Возмездьем пламенным й духом мятежа;
Кто много так страдал, но все же не рыдает,
И в битву кто идет, пред смертью не дрожа.

О, честь им и хвала мятежникам жестоким!
Они—борцы, не вы! Поэта им привет!
Горит Свободы жизнь. И заревом широким
Пурпурный близится к нам счастия рассвет,
Но вы смеетесь все, о жалкие творенья,
О, вы, презренные безумцы и рабы!
Взгляните на себя, на ваши заблужденья
Поймите: жизни нет, нет счастья без борьбы.

Р. Эрманд.

Неужели не совестно?

В одном из небольших городков северо-востока была вынесена на каком то собрании резолюция об анархизме, которая лежит передо мною. Пробегая ее, невольно вспоминаешь о том море клеветы и лжи, в котором черносотенцы всех мастей пытались потопить идею социализма, о том страшном невежестве, которое грязью забрасывало это учение.

Нам пишут, что эта невозможная резолюция была предложена от имени коммунистов, но последние не поблагодарят тех невежд, которые злоупотребили в этом случае именем коммуиизма и подобрав сплетни черносотенцев и контрреволюционеров, попытались в стотысячный раз оболгать анархизм и анархистов.

Самое начало резолюции является своего рода перлом невежества. Ее автор провозглашает:—„анархизм, как в своей теории, так и в практике, глубоко враждебен коммунизму“. А вот К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и целый ряд других серьезных ученых коммунистов придерживается совершенно другого мнения. Все они единогласно утверждают что коммунистический строй общества неизбежно станет строем анархическим, что уничтожение деления общества на классы—эта характернейшая черта коммунистического общества с железной силой повлечет за собою реорганизацию общества на анархических началах. Невежественный автор резолюции никогда не читал, например, слов К. Маркса о том, что „все социалисты подразумевают под анархией“. Так как автор резолюции далек от социализма и коммунизма, то он и не подозревает, что К. Маркс утверждает в названном месте, что „государственная власть, которая служит для того, чтобы держать громадное большинство производителей под игом малочисленного эксплуатирующего меньшинства, исчезнет“... Этот политически неграмотный гражданин никогда, разумеется, не читал, что Ф. Энгельс, указывая на то, что общественные классы должны неминуемо исчезнуть, утверждал, что вместе с их исчезновением „исчезнет и государство“. Этот гражданин не удосужился даже проштудировать книгу В. Ленина „Государство и революция“, в которой автор развивает и провозглашает только что высказанные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса.

Далее развязный гражданин имеет наглость говорить, что анархизм тянет к возрождению буржуазного хозяйства, к эксплоатации человека человеком!.. Бумага все терпит, она не краснеет, когда черносотенцы

по духу излагают на ней свои нездоровые бредни, но как не покраснели от стыда те мало мальски грамотные люди, которые слышали эти нелепые измышления!

Этот барин все-таки слыхал краем уха о том, что при коммунистическом строе государство отомрет, но по наивности не понимает, что это и значит, что общество перейдет к анархическому быту и с непостижимым отсутствием здравого смысла и логики пророчествует, что это отмирание произойдет „без помощи анархистов“, „вопреки“ анархистам“, не подозревая, что наши ряды пополнятся тогда многочисленными коммунистами, что последние станут тогда такими же анархистами, каковыми мы являемся в настоящее время.

Затем идут чудовищные грязные клеветы на анархистов: нестесняющийся автор резолюции утверждает, что под черным знаменем анархизма собираются белогвардейцы, спекулянты, кулаки и пр. До чего доходит иной раз нравственное падение человека!.. Ведь под нашим знаменем стояли и стоят такие светлые люди, как Толстой, Реклю, Кропоткин, Бакунин, Малатеста, Грав и тысячи лиц, сложивших свои головы во время борьбы за освобождение эксплуатируемых и угнетенных от барского и царского ига.

Всем клеветам мы можем противопоставить слова великих умов нашего времени, слова „властителей дум“ о том, кого притягивает себе черное знамя анархизма. Нищше писал: „мы вступаем в век анархии:—но, ведь, это вместе с тем и век духовнейших и свободнейших индивидуумов“. „Анархия это мечта сильных“, говорил Гюйо. „Абсолютный альтруизм и Анархия являются крайними формами, требующими наиболее совершенного человека“, пишет Метерлинк.

Я десятки лет работал, как революционер. Мне пришлось видеть и говорить с тысячами анархистов. Многих из них я хорошо знаю. И мне поверят мои старые соратники и социалисты, когда я скажу, что за все это время ни одного спекулянта, ни одного кулака не видел я в рядах анархистов и не слышал о таковых. И надо быть не только клеветником, но и безнадежно слабым отсталым в умственном развитии человеком для того, чтобы утверждать, что под черные знамена идут белогвардейцы. Нет! По словам великого социалиста Цезаря де Пап— „Анархия это—„мечта всех возлюбивших истинную свободу, идеал всех истинных революционеров“, а не кулаков и белогвардейцев, как тупоумно болтает автор позорной для него революции.

За человека страшно! Страшно за нашу великую революцию, страшно за коммунизм и его будущее, страшно потому, что под красным (дорогим и для нас анархистов) знаменем стали строиться и такие лица, которых не надо бы было и на пушечный выстрел подпускать к революционным рядам, где я нахожусь более сорока лет.

А. А. Карелин.

„Ты—живая Мания Величия!
Слышу голос вражьих я сторон.
Но, ведь, Знаком Огненным Отличия
Мне отметил сердце Аполлон.

Я иду с мечами революций
В потускневший дряхлый Песен Мир.
Скоро песни новые польются
С оживленных, обновленных лир.

Есть Кумир, его зовут Бесцветным:
Он мертвит поэзы и стихи.
Я иду спалить Огнем Заветным
Старой песни смертные грехи.

Долго ль петь страданья Арлекина?
В этом царстве выцветших Красот
Юный Паж, Маркиз и Коломбина
Вечно водят скучный хоровод...

Я лечу на крыльях грозной тучи.—
Дряхлый мир огнем моим спален:
Ведь, для новых Солнечных созвучий
Мне отметил сердце Апполон.

Ольга Приморская.

О равенстве.

„Люди нашего времени понимают уже что неравенство людей есть суеверие и в душе осуждают его. Но они, те, кому оно выгодно, не решаются расстаться с ним; те же, кому оно не выгодно, не знают, как уничтожить его“. (Л. Н. Толстой).

Равенство, это—признание за всеми людьми мира одинаковых прав на пользование естественными благами мира, одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни и одинаковых прав на уважение личности человека„ (Э. Карпентер).

Христос и Анархизм.

До Христа человек почитался „сосудом всякия скверны. „В этом отношении не было исключения даже для сильных мира Ветхого Завета. Цари, жрецы и пророки клонили долу свои головы перед сильным, жестоким и мстительным Иеговой, совершенно искренне считая себя недостойным смотреть на величие Бога глазами человека, равного ему.

Пришел Христос, сказал свое слово и сильные мира сего клонили свои буйные головы перед богом верующих уже больше для примера народу. В душе же своей они носили стремление сравняться с Богом народа по величию. Они подчас богухульствовали, когда Бог верующих мешал, по их суеверному мнению, исполнению их желаиий.

Пришел Христос и яркий луч света прорезал мрак Ветхого Завета.

Христос сказал: человек может стать Богом и на примере своем показал величие человека, но, при этом прибавил: Вы будете жить в Царствии Божием, ибо вы станете совершенными, как совершен отец ваш небесный.

Для нас—теперешних людей—ясно, что Христос говорил о царстве небесном не где то там на этом голубом небе, где нам живым людям природой не уготовлено твердого места, чтобы стать на нем ногами и где, чем выше, тем меньше наше тело вытесняет воздуха и значит становится тяжелее.

Разумеется, Христос пророчествовал о наступлении царства небесного на этой грешной и серой, а не светлой и не голубой земле. И вот некоторые люди, догадавшись, о чем говорил Христос, взапуски друг перед другом погнались за величием Бога, чтобы приобрести его.

Им казалось, что чем большими материальными благами они будут пользоваться, тем ближе они будут к величию Бога. Они смотрели на нищего, состояние духа которого зависело от того, сыт он или нет, приласкал ли кто его или надругавшись, избил, и одевались в богоподобные по блеску одежды, ели амброзию и пили нектар, а самого пышного из них провозгласили наместником Христа. Кроме того, так как в распоряжении человечества всегда имелось недостаточно изделий и продуктов для того, чтобы все оделись в порфиры и питались амброзией, запивая ее нектаром, то сильные мира сего перетолковали темному народу значение слов Христа, обещав ему царствие божие по воскресении из мертвых.

Народ им поверил и даже обрадовался, как обрадовалась ворона, что каркнула от удовольствия, когда лисица хвалила ее певучий голосок—эту птичью добродетель. (Сильные мира сего, говоря народу о Христе, также хвалили добродетели народа, хвалили да ели вкусный сыр, оброненный растроганными и осчасливленными простецами).

Таким образом, луч света,—брошенный Христом, недолго пребыл во мраке Ветхого Завета, и чем отличается жизнь людей в Новом Завете от жизни Старого пусть об'яснят посвященные в эти дела. Для моего непосвященного взгляда Христос излишне увлекающийся человек.

Как только яркое открытие возможности царствия Божия на земле осенило его самого, оно ослепило его и он решил: стоит только дать народу законы царствия Божия, как оно вмиг придет и потому обещался жить в нем со своими учениками.

Молодые революционеры недавнего прошлого были подобны в этом отношении Христу. Они говорили: дайте нам говорить с народом и социализм в миг внедрится в жизнь.

С тоской смотрел Христос на посеянное им. Он увидел, что люди не приняли его и сказал:—Я пришел во имя отца моего Небесного и вы не приняли меня. Будет время, придет человек во имя свое и вы примите Его.

Христос предсказал появление анархиста, утверждающего имя свое, говорящего, что только эгоизм есть побудительный фактор жизни. Христос предвидел, что такой, человек внедрит в жизнь законы, начертанные в Евангелии.

С тех пор слово анархист сделалось страшным словом, и сильные мира сего из боязни, что народ заявит свои права на материальные

блага и оставят им очень мало нектара и амброзии, ровно столько, сколько каждый из народа возьмет себе... Сильные мира сего, эти пауки плели свою паутину.

В. Алмазов.

Примечание редакции.

Учение Иисуса Христа было учением анархизма. Он не признавал государственной власти. Совершенно определенный протест против власти виден в следующих словах: „Князья народов господствуют над ими и вельможи влавствуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою".

Эти слова не нуждаются в пояснениях: христиане не должны иметь князей и вельмож, не должны иметь правителей и не могут иметь их, так как желающий возвыситься над другими, должен быть не правителем, а слугою.

Понятно, Иисус отрицал царскую власть. Он знал, что для того, чтобы взять царства мира и славу их надо поклониться духу вла, пасть перед ним. И он отказывался от этого. „И показывает ему все царства мира и славу их и говорит ему: все это дам тебе, если падши поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от меня, сатана". Когда Іисуса хотели сделать царем, он ушел от народа.

Іисус с полным неуважением отзывался о своем царе—Ироде. „Пойдете, скажите этой лисице"..., говорил он.

Іисус учил не бояться правителей:—„небойтесь убивающих тело, души же не могущих убить"...

Он запрещал своим ученикам называться учителями и наставниками.

Іисус Христос отрицал самый важный антирибут власти—суд. „Не судите да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить". Иисус учил, что брату, согрешившему надо прощать до семижды семидесяти раз, то-есть до 490 раз, что вместе с таким советом, как отдавать верхнюю одежду тому, кто „хочет судиться с тобою и взять рубашку", делали суд прямо-таки невозможным.

Конечно, Іисус высказался и против права наказывать, заявив, что преступившую закон женщину может наказывать только безгрешный и.

Каждый раз, когда Іисус сталкивался с необходимостью платить подати, он платил их или говорил о том, что надо уплатить их с такими оговорками, которые делали ясным его отрицательное отношение к податному взиманию. Он говорит, когда ему задается вопрос о том, что надо ли платить подать Кесарю: „что искушаете меня, лицемеры" продолжает: „отдавайте Кесарево Кесарю, а Божие Богу", не указывая, что останется Кесарю, если божие будет отдано богу.

По древне—же еврейскому учению, все без исключения принадлежало богу, и если богу отдается божие, то Кесарю ничего не оставалось. Только для того, чтобы избежать соблазна, избежать насилий над неплательщиками, соглашался Христос на уплату податей.

Редакция.

Любопытные мысли.

„Откуда бы ни исходил порядок, если только он основан на силе, не на убеждении, он есть насилие, а не закон“ (Сократ).

„Наступит золотой век, люди будут жить без законов, без наказаний, совершая добровольно то, что хорошо и справедливо“. (Овидий).

„Мы не должны желать другим того, чего себе не желаем; рабом быть никто не желает, какое же право имеем мы считать других рабами“. (Эпиктет).

Два понимания истории.

Социалисты и коммунисты—государственники, с одной стороны, и анархисты—коммунисты, с другой, выработали два различных мировоззрения.

Учение социал-демократов и других социалистов государственников рисует историю развития человечества в следующем виде. Первобытные люди, с момента своего об‘единения жили на безвластно коммунистических началах. По мере того, как усложнялась техника, появлялись и организаторы общежития, группы и классы таких организаторов: появлялись патриархи, старшины, вожди, жрецы, рабовладельцы, феодалы, крепостники, землевладельцы-помещики, предприниматели-капиталисты и пр. и пр.. В свое время появятся и организаторы социалистического государства. Появятся, когда техника окажется такой, с какой бессильны будут справиться организаторы капиталистического общежития. Экономическая эволюция ведет современное общество к социализму. Когда сильнее, чем теперь, сконцентрируются капиталы в немногих руках, когда капиталистическое хозяйство встретится с хроническим недостатком рынков, а процент прибыли сильно упадет и т. д., тогда появятся новые организаторы—правители и устроят общество на новых началах. Когда именно пробьет этот час, точно не указывается. Весь этот процесс считается естественным, логичным, неизбежным, прогрессивным. Общество людей, как таковое, нуждается в организаторах и ему всегда суждено делиться на организаторов и организуемых.

Раз это так, раз этот процесс прогрессивен, то в нем нет места такому перевороту, при котором, вместе с исчезновением класса организаторов-предпринимателей, например, исчезнут и другие организаторы. Нельзя поднять революцию для устранения всяких организаторов, как отдельной группы лиц. Мыслимы только малые революции для замены неспособных справиться с данной техникой организаторов новыми организаторами, способными организовать людей в соответствии с требованиями новой техники. Таким образом можно переминить одних правителей на других, можно в подходящий момент заменить рабовладельцев какими- [illegible] другими организаторами, например, крепостниками или предпринимателями. Предпринимателей можно заменить чиновниками государства, но нельзя революционным путем уничтожить „организаторства“, нельзя удалить из общежития властных организаторов.

Некоторые социалисты коммунисты—государственники полагают, что та или иная группа лиц, захватив в свои руки власть и начав путем насилия перестраивать жизнь на новый социалистический или коммунистический лад, добьется поставленой цели, начав свою деятельность чуть ли не в любую стадию капиталистического развития. Тут мы имеем дело не с теорией общественного развития, а просто с верой в творческую силу так называемых организаторов.

Совсем иначе смотрят на историю развития человечества анархисты коммунисты. Распадение безвластно коммунистических общин началось не с момента появления организаторов, необходимых для общежития в виду изменившейся техники, а с момента появления насильников победителей, деятельность которых носила дезорганизаторский характер.

Каждый коллектив людей организовался сам собою, при взаимодействии окружавшей его среды и его личного состава. Новая техника появлялась только тогда, когда этот коллектив, в лице своих членов, был способен создать ее и пользоваться ею. Для того, чтобы новая техника применялась, организаторы были не нужны. Мало этого,—эта новая техника не могла появиться в коллективе неспособном пользоваться ею. И, если коллектив неспособен применять какую-либо технику, организаторы не могут научить его этому. Никакой организатор не научит обезьян пахать землю, а ведда управлять современной сложной машиной. Только теологический пережиток, заставлявший некогда искать великого зодчего—организатора мироздания, подыскать организаторов человеческого коллектива.

Появление насильников, победителей и их опиравшихся на институты насилия преемников—появление старшин, вождей, жрецов, рабовладельцев, феодалов, крепостников, помещиков, предпринимателей, правителей и пр. пр. только помешало обществу организоваться наивыгоднейшим для него образом, задержало прогресс. Все эти лица не были, как таковые, организаторами ни в деле производства, ни в других отраслях полезной для человечества деятельности. Они умели организовывать только захват—насилие и его институты.

В области людских взаимоотношений все ценное и полезное было выработано не вождями, не организаторами всех видов, а общежитиями людей. „Наука нам показывает, пишет П. А. Кропоткин, что мнимые вожди, герои и законодатели человечества ничего не ввели в историю, что не было выработано обычным правом в общежитии. Лучшие из них только формулировали, санкционировали эти институты. Но большее число этих мнимых благодетелей все это время то старались разрушить те институты обычного права, которые мешали образованию личной влисти, то переделывали эти институты для своей выгоды и для выгоды своей касты“.

Общежития людей не нуждались в этих называвшихся организаторами насильниках. Они являлись чуждым, вредным, паразитическим, хищным придатком к общежитию. Сложившийся и под их влиянием исторический процесс был вреден для общежития и отнюдь не является неизбежным. Прогресс, лучшая жизнь создается творчеством народных масс, а не обычно бестолковой и пагубной деятельностью так называемых вождей.

Все рассуждения о том, что переход к социалистическому строю или к строю коммунистическому мыслим только при большей, чем теперь, концентрации капиталов, при хроническом недостатке рынков для капиталистической промышленности и пр. и пр. не имеют в своей основе ни грамма науки и их приходится считать отвергнутыми гипотезами. Еще более необоснована вера в то, что какая-либо группа правителей, прикрыв своим авторитетом деятельность чиновников может по своему желанию организовать общество нежелательных для нее началах.

Только-что изложенный исторический процесс допускает, разумеется полный отказ от организаторов—насильников, от этой группы людского общежития.

Воротновский.

Из воспоминания старого революционера.

(„Голос Труда“ 1911—1914-го года)

В 1911 году я жил в Париже. В начале года ко мне зашел эмигрант Т. Д., бежавший за границу после разгрома союза почтово-телеграфных служащих. Т. Д. дал мне прочитать письмо, полученное им из Ньюйорка от товарища по союзу Роде-Червинского. Последний просил Т. Д. работать в затеваемом американскими товарищами журнале и найти для этого журнала сотрудников. Т. Д. рассказал. что журнал предполагается издавать по вопросам анархизма и рабочего движения, пропагандируя, главным образом, учение романского синдикализма.

Сам Т. Д. не расчитывал сотрудничать в американской газете и просил меня заняться этой работой. После недолгих колебаний (я никогда не слышал о т. Роде-Червинском), я согласился работать в проектируемом журнале. Сотрудничество в нем со стороны Т. Д. ограничилось тем, что он написал вместе со мною одну статью (за подписью „Два“).

Тотчас же обнаружилось, что трудно, почти невозможно найти для нового журнала сотрудников. Тем не менее, было решено раз в месяц издавать этот журнал, назвав его „Голосом Труда“. Отсутствие сотрудников об‘яснилось, главным образом, бедностью издателей. В течение трех с половиной лет я только раз получил из кассы журнала небольшую сумму денег, а в самом начале его издания выслал в фонд „Голоса Труда“ несколько рублей. Я сильно нуждался в то время и мог помочь „Голосу Труда“ только своим трудом. А труда было положено на это дело не мало.

Первый номер „Голоса Труда“ вышел 1-го марта 1911-го года. С этого времени в течении трех с половиной лет (до 1-го августа 1914 года включительно) „Голос Труда„ выходил раз в месяц, размером в печатный лист). (13, 25 и 37 номера вышли размерами в два печатных листа). Всего, ежемесячного „Голоса Труда“ вышло 42 номера.

Передо мной лежит большой том громадного формата (40 сантиметров длиною и 30 сантиметров шириною). На этих страницах напечатано 176 написанных мною статей, не считая переведенной мной

части „Нового Евангелия“ Бертоле (большая часть этой брошюры переведена, по моей просьбе, товарищем социал-демократкой, считавшей анархизм своим далеким идеалом).

В течение первых двух лет мне пришлось в среднем давать по 5 статей на номер (123 статьи). Остальные статьи (не говоря о шести статьях, потонувших вместе с „Титаником“), в количестве 53, были помещены в следующих 17 номерах.

Мне пришлось работать в „Голосе Труда“ анонимно и под целым рядом псевдонимов (Кин, Один, Винтер, Крамской, Соколов, Петров, Земский, Шестов и проч.). В виде редкого исключения, я подписывал статьи своей фамилией. Долгое время американские товарищи, (кроме лиц, близко стоявших к издательской группе „Голоса Труда“), не подозревали, что я работал в американской прессе. Обилие псевдонимов повело к тому, что мало знакомый с литературной этикой рецензент „Голоса Труда“, изданного в Москве в 1919 году, попытался раскрыть один из псевдонимов и приписал мне статью, написанную одним из товарищей анархистов.

Из отчета издательской группы „Голоса Труда“, напечатанного в августе 1914-года, видно, что этот журнал, начавший работать без средств, имевший к 21 июля 1911 года в своей кассе всего—на всего 39 долларов 45 центов, располагал на 21 июля 1914-го года наличностью в 1006 долларов 88 центов.

С сентября 1914-го года американские товарищи начали выпускать „Голос Труда“ еженедельно. Время для издания еженедельного органа печати было выбрано удачно: начиналась мировая война и журнал должен был сильно расходиться среди русских Америки.

За несколько времени до этого, издательская группа просила меня переехат ьв Нью-йорк и принять на себя редактирование „Еженедельного Голоса Труда“, но я отклонил это предложение. Мне не хотелвсь поселиться в дали от России. По настойчивой просьбе т. О. я рекомендовал издательской коллеги в качестве редактора одного из литераторов-анархистов. В течение шести месяцев я давал свои статьи в еженедельный „Голос Труда“, а затем прекратил свое сотрудничество, без которого, к слову сказать, журнал мог в это время обойтись.

Перед от‘ездом в 1917 году американских эмигрантов в Россию, жившие в Америке русские рабочие собрали очень много денег на литературно-издательскую деятельность в России и переслали в „Голос Труда“. „Голос Труда“ издавался в Петрограде, но я ничего не помещал в нем. Затем вышел и в Москве номер журнала под заглавием „Голос Труда“, но этот номер не имел ничего общего с „Голосом Труда“ американских рабочих и едва ли мог считаться органом анархической мысли. Под фирмою „Голос Труда“ существует в настоящее время книжная торговля и издательство анархических книг, но лица, участвующие в этих коммерческих предприятиях не работали в ежемесячном „Голосе Труда“ 1911—1914-го года.

А. Карелин.

МОСКВА. Разрешено Военной Цензурой. 31-ая Тип. М. С. Н. Х. Никольская 1—3.